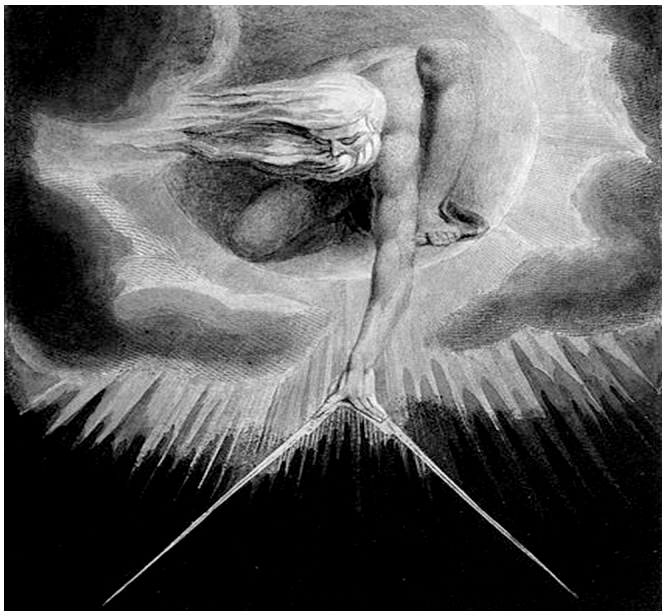


Великий архитектор. Художник Уильям Блейк. Фрагмент. 1794.

УДК 177:32

Нижников С.А.

Учение о «совестливом компромиссе» Ивана Ильина и доктрина Никколо Макиавелли

Нижников Сергей Анатольевич, доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва)
E-mail: nizhnikovs@mail.ru

Тема насилия – ненасилия сегодня остра как никогда, что делает необходимым установление границы данных понятий. Этому способствует анализ концепции Ивана Ильина *о* противлении злу силой, которую он формировал, критикуя пацифизм Льва Толстого (непротивление злу силой). Исследование данной концепции Ильина, как правило, подменяется субъективной позицией авторов современных работ в отношении рассматриваемой доктрины. В данное статье мы предприняли предметный анализ, опираясь на центральное в данном случае понятие, вводимое Ильиным, – «совестливый компромисс» в сравнении концепции русского философа с установками Никколо Макиавелли.

Ключевые слова: макиавеллизм, макиавелльство, насилие, ненасилие, непротивленчество, мораль, политика, совесть.

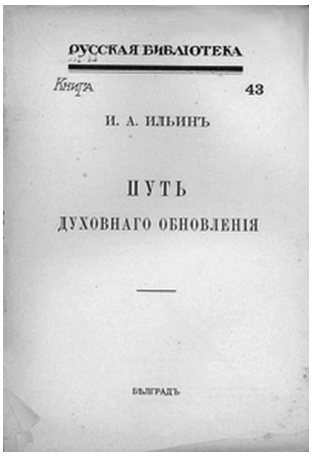
Не в силе Бог, но в Правде.
Александр Невский

Проникновенную теорию совести Ильин представил в своих работах «Путь духовного обновления» и «Поющее сердце». Он отмечает: «Совесть указывает человеку прежде всего и больше всего на единый, нравственно лучший исход из данного жизненного положения»[1]; «*совесть есть состояние нравственной очевидности*», она не ограничивается рассудком и не сводится к нему. Кроме того, «долг исчезает *в свободном и добром хотении совести*»[2]. Важно также подчеркиваемое Ильиным универсальное содержание совести: «…совестный акт, если только он верно пережит и осуществился сполна, несет всем людям однородные содержания и ведет их в одном

[1] Ильин И.А. Пути России. М.: Вагриус, 2007. С. 114.
[2] Там же. С. 118, 122. Но и здесь Ильин иррационализирует ее понятие, лишая разумности, превращая в некий инстинкт, эмоцию.

Иван Александрович Ильин (1883–1954)

Обложка первого издания «О сопротивлении злу силою» (Берлин, 1925)



Обложка первого издания «Путь духовного обновления» (Белград, 1935)

Обложка первого издания «Поющее сердце» (Мюнхен, 1958)

и том же направлении». И, вместе с тем, «совестный акт, в отличие от всякого формального закона, имеет в виду *не общее всем людям, а индивидуальное состояние одного человека*; он не уравнивает людей, а зовет каждого отдельно к осуществлению *всего добра, которое ему доступно*, и всей справедливости, которая причитается от него другим людям»[1]. Здесь Ильин преодолевает формализм кантовского долга и его абстрактно-моральное толкование совести: «…так как каждый *практически*-жизненный случай *индивидуален, единственен в своем роде*, то надо искать не *общего правила, а личного указания для личного поведения в данном конкретном жизненном случае*»[2]. И далее русский философ приводит множество глубоких и верных характеристик совести: целостность («*совестная цельность человеческой души*»[3]), счастье, вдохновение, истина и др. Наиболее важным в нашем контексте является то, что благодаря совести человек созревает к внутренней свободе и тем самым пролагает путь к свободе политической. Однако разрабатывая доктрину о противлении злу силой, Ильин постепенно отходит от этих ясных, глубоких и верных положений.

Согласно И.А. Ильину, применяя необходимую силу для обуздания злодея, человек неизбежно умаляет и искажает свою личную праведность[4]. Он почему-то изначально полагает, что «путь силы и меча не есть праведный путь», и задается странным вопросом: «Но разве есть другой, праведный?»[5]. Тогда получается, что Ильин сознательно разрабатывает методологию *неправедного*, но вынужденного пути противления силой? Однако неправедность не нуждается в доказательстве того, что она неправедна, если она сама признала свою неправедность, тем более что и сам автор опознает ее как таковую, т.е. неправедную. У Ильина получается совершенно парадоксальная противоестественная ситуация, когда неправедность должна быть оправдана, но не доказательством ее праведности, а именно в ее *неправедности*. Это абсурд, для обоснования которого Ильин вводит новое понятие *духовного* или *совестливого компромисса*. Философ едва ли осознавал, что сам себе создал моральную ловушку, угодил в нее и, угодив, пытается оправдаться.

Показательно то, что в первой основной работе Ильина это понятие еще не ярко выражено. Более явственно оно проступает во второй, – в одноименной лекции, прочитанной в 1931 г. и опубликованной впервые в 1984 г., где он также буквально повторяет места из первой книги. Тем не менее, видимо, критика оппонентов, в том числе Н. Бердяева, высказанная в отношении первой работы, заставила Ильина продолжить методологические изыскания оправдания своего понимания *сопротивления злу силой*, которое, по идее его критиков, по сути превращалось в *сопротивление злу насилием*, приближаясь к позиции Макиавелли.

Идя своим путем обоснования «*праведной неправедности*» (а по сути «*праведности неправедности*» или *«неправедной праведности»*), если можно так выразиться, то есть, признавая неправедность насильственных действий, обосновывать все же необходимость их применения, Ильин естественным образов вступает в противоречие с совестью. Не может быть двойной совести: с одной стороны, осуждающей насилие, а с другой, – оправдывающей его. Понимая это, Ильин говорит о с о в е с т л и в о м к о м п р о м и с с е, при котором человек, осознавая неправедность поступка, все же совершает его из осознания его необходимости. Так он пишет, что «жизненная мудрость состоит не в мнительном праведничании, а в том, чтобы в меру необходимости мужественно вступать в неправедность, идя *через* нее, но не *к* ней, вступая *в* нее, чтобы уйти *из* нее»[6]. Но уйти так просто, как вступить, не удастся. Ильин же, тем не менее, полагает, что «сопротивляющийся должен решиться на духовно необходимый, хотя и неправедный путь»; «Желая блага... взять на себя неправедность... как бы отойти от блага; и притом с полным сознанием того, что он совершает»; необходимы лишь «чистые руки для нечистого дела»[7]. И «только лучшие люди способны вынести эту неправедность»; такой герой «не праведен, но прав»[8] (!?). Эти *луч-*

[1] Там же. С. 124–125.
[2] Ильин И.А. Поющее сердце // Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 3. С. 365.
[3] Там же. С. 364.
[4] Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М., 2007. С. 81.
[5] Ильин И.А. О сопротивлении злу силой (1931 г.) // Там же. С. 428.
[6] Там же. С. 428.
[7] Там же. С. 430, 434.
[8] Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М., 2007. С. 202.

шие люди вынуждены бороться со злодеями *нелучшими средствами*[1]. В этих высказываниях мы видим фактическое провозглашение тезиса Макиавелли: «благая цель оправдывает любые средства»[2]. Бердяев был отчасти прав, утверждая, что для обоснования данной позиции, Ильин пытается еще и заручиться Евангелием, даже называет такую *вынужденную насильственную неправедность* подвигом: «Он берет на себя неправедность, но не для себя, а во имя Божиего дела»[3] – просто потом необходимо «как следует» помолиться, и Бог простит. Таким образом получается, что Ильин призывает идти еще и на компромисс с Богом. Однако советь для верующего также есть глас Божий в сердце человека, какие же здесь возможны компромиссы?

Компромисс с совестью – это бессовестность (буквально) и аморальность, и не может быть другого компромисса по определению. Человек или следует голосу совести, т.е. морали, – или не следует ему, т.е. впадает в аморализм. И третьего здесь не дано. Это прекрасно осознавал Кант, требуя безусловного исполнения велений морального разума, однако при этом склонялся иногда к другой противоположности, в отличие от Ильина. Отечественный мыслитель идет на компромисс с совестью для оправдания насилия, в то время как Кант, – для сохранения принципов морали требует безусловного и абсолютного их исполнения без учета конкретной реальной жизненной ситуации, которая не всегда столь проста и логична (рациональна), какой может быть моральная теория. Иными словами, моральный человек у Канта, в отличие от трактовки Ильина, не может идти на компромисс с собственной совестью, что автоматически, как полагает Кант, привело бы его к аморализму. С другой стороны, Ильин не согласен абсолютизировать моральные нормы без учета реальной жизненной ситуации, как это происходит у Канта, когда догматическое следование абстрактному моральному правилу может приводить к аморализму и подлости в реальной человеческой жизни[4]. Однако компромисс с действительностью и совестью у Ильина в итоге приводит к нивелированию уже самого морального принципа. Если Кант – раб абстрактного морального требования, то Ильин – эмпирической ситуации.

Данные противоречия у Ильина, с одной стороны, и у Канта, с другой, возникают из-за недопонимания сущности морали и исполнения ее требований, т.е. понятия совести, которая определяет поведение человека. Отвечая Ильину, можно сказать, что совесть – *уже есть компромисс*, но не между праведностью и подлостью, насилием и ненасилием, моралью и жизнью (что было бы, по сути, бессовестным), а между моральным идеалом, абстрактным и абсолютным требованием нравственности и реальной эмпирической жизнью человека. Совесть – это применение этого идеала к жизни, то есть разумно-моральный компромисс, указывающий на то, как в бесчеловечных условиях жизни хоть в какой-то степени, а именно – максимальной из возможных, реализовать идеал ненасилия. Степень реализации этого идеала зависит от чистоты совести конкретного человека, т.е. от высоты его морального идеала и конкретной жизненной ситуации, в которой он находится. Моральный поступок есть именно компромисс *на* основе совести (а не *помимо* нее или *с* ней), возникающий в результате соотнесения морального идеала и жизненной ситуации.

Методологическое заблуждение Ильина состоит в попытке достичь компромисса с совестью и при этом остаться правым, или, по иному, признать собственную вынужденную подлость и необходимость несовестливого насилия: то есть изначально признавать необходимость бессовестного поступка, а потом просто раскаяться в нем. С точки зрения морали это абсолютно невозможно, абсурдно и, в итоге, аморально. Логически получается, что Ильин, стремясь так или иначе обосновать за пределами совести необходимость применения насилия, выходит за границы ненасилия и самой морали. Здесь промах не только в теории и методологии, но и в жизни такая сознательная установка вряд ли возможна: человек не может считать правильным то, что он делает, если это за пределами его совести. Если же он совершил нечто, что противоречит его совести, то этот «компромисс» будет выражаться в муках совести, т.е. в том, что человек не может признать правильным то, что он совершил вопреки голосу совести. Противоречить в поступке своей совести и одновременно считать, что так надо – такая ситуация возможна лишь как конфликтная, ненормальная (если не шизофреническая, связанная с раздвоением личности); она должна разрешиться или в то, что голос совести победит, или в то, что он замолчит. Но осуществлять поведение в условиях указанного конфликта постоянно как реализацию принципа сопротивления злу невозможно. Это невротическое состояние, которое не может быть методом осуществления ненасильственного поведения и политики.

Неверный методологический путь, избранный Ильиным и связанный с «совестливым компромиссом», исходит из неадекватного понимания статуса совести. Она у Ильина занимает место морального идеала: ответ совести у него «не сообразуется ни с какими обстоятельствами, не применяется ни к каким соображениям, не обусловливает себя никакими данными ограничениями». Однако уже со времен Сократа известно, что совесть требует конкретного поступка от человека или воздержания от негодного. Кроме того, у Ильина совесть оказывается чуть ли не бессознательным инстинктом, лишенным разума и слепым: «…совесть дает ему, бессловесно и немысленно, эмоционально волевым толчком тот единственный ответ, который она дает всегда и дает всем: о самом лучшем, об идеальном совершенном отношении, о единственно праведном; и притом так, что этот бессловесный, но активно-понуждающий ответ, как бы порыв к определенному действию, сообщается человеку без участия мысли или слова»[5]. Возможно, структура совести, ее психология сложна и носит комплексный характер, в ней может

---

[1] Там же. С. 204.

[2] Макиавелли пишет о политическом деятеле: «Пусть обвиняют его поступки, лишь бы оправдывали результаты, и он всегда будет оправдан, если результаты окажутся хороши...» (Макиавелли Н. Государь и Рассуждение на первые три книги Тита Ливия. СПб.: Типография Тиблина и Ко (Неклюдова), 1869. С. 148). Следует правильно понимать этот тезис, так как он не направлен на апологию насилия: высшей политической целью для Макиавелли является самосохранение государства, в котором итальянский политик и философ видел гаранта человеческой жизни, свободы и имущества граждан. При этом целью для Макиавелли всегда оставалось «общее благо», во имя которого олитический лидер должен «не отклоняться от добра, если это возможно, но уметь вступить на путь зла, если это необходимо» (Макиавелли Н. Соч. Т. 1. М.–Л.: Academia, 1934. С. 289).

[3] Ильин И.А. О сопротивлении злу силой (1931 г.) // О сопротивлении злу силою. М., 2007. С. 434.

[4] См.: Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Соч.: В 8 т. М., 1994. Т. 8.

[5] Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М., 2007. С. 184.

присутствовать и первоначальный неосмысленный призыв, идущий от абстрактного морального идеала, уже заложенного в душе человека. Но можно ли признать совесть, в таком усеченном виде, лишь неразумным и бессловесным позывом к праведности? Кант бы с такой трактовкой явно не согласился, да и для религии это вряд ли подошло бы, так как Бог открылся человеку в том числе в слове и разуме, а не в бессознательных порывах. У Канта же совесть немыслима без разума, она по сути и является моральным разумом. Ильин, в силу своего «усеченного» понимания (скажем мягко) совести, пришел к необходимости «совестливого компромисса» – компромисса вне самой совести, но на основе своеобразного софистического рассуждения.

Еще одно квазипонятие Ильина – «н р а в с т в е н н а я н е п р а в е д н о с т ь». Звучит примерно так же, как «деревянное железо», но данное понятие необходимо в силу избранного метода рассуждения, обоснования доктрины насильственного сопротивления. Ильин исходит из того, что праведный поступок не всегда возможен и бывает объективно недоступен. В этом случае возникает необходимость в неправедном поступке, который, однако, не является грехом и злом, ибо сопротивление злу уже потому, что это *сопротивление* злу – оправдано: «Самое сопротивление злу, как таковому, всегда остается благим, праведным и должным». Таким образом, возможно сам того не замечая, Ильин приходит к утверждению позиции Макиавелли – благая цель оправдывает любые средства. Но если Макиавелли не пытался при этом оправдаться, то Ильин эти неблагие средства стремится представить как хотя и неправедные, но требуемые от субъекта некой все же нравственностью, несмотря на то, что в итоге получается какое-то шизофреническое, расколотое в себе самосознание, одновременно и праведное и неправедное, нравственное и безнравственное – «негреховное совершение неправедности»[1].

Пол Робинсон в своей статье (2003) специально останавливается на различиях в методе применения силы у Макиавелли и Ильина. Он отмечает, что герой Макиавелли выше принципов морали, он их игнорирует, в то время как Ильин этого не делает[2]. Действительно, герой Ильина страдает по поводу собственной подлости, но, тем не менее, считает ее не только допустимой, а и необходимой. Итак, здесь и там – насилие во благо, но один признает его выше морали (или признает мораль внутренне присущей ему, – Макиавелли), другой, совершая то же самое, пытается оправдать то, что морально оправдать невозможно (Ильин). Кто здесь более честен – очевидно. При этом у героя Ильина отнюдь не муки совести, ведь он совершает неблагой поступок, осознавая его бессовестность. Это некая узаконенная ложь самому себе. А затем, задним числом должно приноситься покаяние, – здесь еще и попытка «ввести в заблуждение» Бога.

Сам, видимо, чувствуя несуразность своей логики и своих выводов, Ильин пытается раскритиковать и, как он выражается, «абсолютное оправдание и освящение силы и меча». При этом он критикует Мартина Лютера и иезуитов, которые, осудив преднамеренное человекоубийство, тем не менее, допускали его в исключительных случаях. Так, он ссылается на иезуита Бузенбаума, который отмечал, что «по велению Божию можно убивать невинного, красть, развратничать, ибо Он есть Господин жизни, и смерти, и всего, и потому должно исполнять Его повеление»[3]. Ильин пытался одновременно осудить данную теорию и одновременно оправдать насилие во благо. Но в итоге получилось его фактическое возвращение к тому, что до того подвергалось его критике, так как для Ильина неправедные средства являются «не просто “позволенными” (хотя и не “освященными”), а *обязательными во всей их неправедности*». При этом Ильин стремится ввести моральные ограничения: «Сопротивление силою и мечом допустимо не тогда, когда оно “возможно”, а когда необходимо...»[4]. Но ведь даже эта необходимость не может сделать неправедное праведным.

«Отвергающие меч, – пишет Ильин, – настаивают на том, что путь меча есть неправедный путь. Это верно – в смысле абсолютной нравственной оценки; это неверно – в смысле указания практического исхода»[5]. Уже в этом высказывании содержится ряд противоречий: во первых, разрывается теория и практика, во вторых, путь меча сам по себе не есть ни неправедный, ни праведный, так как все зависит от того, в каких целях он используется. В данном случае происходит странная вещь: Ильин, сторонник применения силы и даже насилия в борьбе со злом, саму эту силу отказывается признать праведной. Меч для него, как и для толстовцев и пацифистов – всегда неправеден. Но в отличие от первых Ильин допускает его применение в случае необходимости, используя для оправдания «совестливо-духовный компромисс». В этом случае оказывается, что с точки зрения абсолютной морали пацифисты правы, так как применение меча всегда у Ильина компромисс с совестью. Таким образом, мыслитель одновременно оказывается в плену как позиции Макиавелли, где цель оправдывает любые средства, так и в плену у пацифистской точки зрения, не допускающей применения силы ни в каком случае. Из-за противоречий в избранной методологии и неверного использования терминологии философ оказался заложником тех взглядов, против которых был направлен весь его труд *О сопротивлении злу силой*. Или же следует признать, что Ильин в действительности, как указывал Бердяев, является сторонником позиции Макиавелли, более того, он построил систему суждений и доказательств (хотя и неудачную) для всецелого ее оправдания. Но так как мораль никак не может этого признать, пришлось идти на «совестливый» (бессовестный) компромисс с самой моралью. В. Чернов так описывал эту диалектику: «Начав “запросом” о реабилитации насилия, он кончил отходом на вторые позиции, развенчанием насилия. Но, приняв это развенчание в чутко-совестливой формулировке беспощадных к себе *подвижников* освободительного движения, он подвел контрабандой под нее и совершенно другого рода “физическое понуждение” – не оборонительное и освободительное...»[6].

Сам Ильин, видимо, замечает, что скатывается к тезису Макиавелли *цель оправдывает средства*. И чтобы оправдаться (формально он не причисляет себя к его сторонникам и осуждает их), он разрывает связь между целью и средствами, полагая, что их необходимо рассматривать и оценивать изолированно. Пришел он к этому вы-

---

[1] Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М., 2007. С. 189.
[2] Робинсон П. «О сопротивлении злу силою»: Иван Ильин и необходимость войны // Там же. С. 509.
[3] Цит. по: там же, с. 191. Стоит отметить, что католическая церковь уже в XVIII в. осудила данные представления.
[4] Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М., 2007. С. 192–194.
[5] Там же. С. 197.
[6] Чернов В. Мир, Меч и Мір // Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М., 2007. С. 356.

воду, критикуя иезуитскую трактовку, согласно которой «цель сообщает деяниям их специфическую ценность, и в зависимости от хорошей или дурной цели деяния делаются хорошими или дурными»[1], что позволяло оправдать любые средства для достижения этой благой цели. Пытаясь свою позицию противопоставить иезуитской, Ильин уходит в другую недопустимую крайность, рассматривая средства и цель совершенно автономно. Однако, согласно тезису гуманистической политики, цель не безучастна к средствам, и использование негодных средств извращает саму цель. Позицию Ильина Чернов определил как «православный иезуитизм»[2]. Можно добавить, что в своей отрицательной части рассуждения Ильина о совестливом компромиссе и других квазипонятиях представляют собой *псевдоправославное макиавелльство*[3], т.е. допускаются все же неблагие средства для реализации благой цели, несмотря на все оговорки, во множестве приводимые Ильиным.

Но наиболее откровенно Ильин пишет о разрабатываемом им «совестливом компромиссе» в работе *Учение о компромиссе и дурных средствах*. Эта публичная лекция 1935 г. была впервые издана только в 2006 г. и оттого недоступна ранее для исследователей его творчества и оппонентов. Здесь он, подытоживая свои изыскания, выделяет три типа компромиссов:

1. Компромисс пассивный, *до* совести (в нашей терминологии это пацифизм);
2. Компромисс активный, *против* совести (в нашей терминологии – макиавеллизм);
3. Компромисс активный, по совести: «человек ищет праведного исхода, – поясняет Ильин, – не находит его и идет на компромисс» (в нашем понимании – позиция Макиавелли, «макиавелльство»).

В этом третьем случае он также выделяет два подпункта:

А) случай праведника – путь жертвования осуществлением цели;

Б) случай борца – жертвование «своею личной безукоризненностью».

Именно этот второй подпункт и считается Ильиным единственно приемлемым.

Здесь возникают два вопроса.

Первый. Почему в случае праведника осуществляется жертвование целью? Праведник если чем и жертвует, то только тем, что у него есть, или лично собой. При этом у него нет и не может быть компромисса с совестью, так как он руководствуется именно ею, за что и называется праведником. В этом случае нет никакого противоречия между целью и средствами – и то и другое является благим. Это цельная моральная личность, она объединяет в себе и праведника и борца, потому что невозможно быть праведником, не борясь со злом в себе и окружающем мире, хотя средства борьбы в своей основе здесь духовно-нравственны.

Второй вопрос. Почему в случае «борца» речь идет о «компромиссе по совести»? Ведь «борец» Ильина не находит праведного исхода в рамках совести, выходит за ее границы и ищет компромисса с совестью *вне ее*! Поэтому это компромисс *вне*совестный, а значит – *бессовестный*, так как не может быть совестливого поступка вне совести. Ильин критикует, с одной стороны, теорию непротивления Толстого, с другой, – «католическо-иезуитский метод», когда «*цель оправдывает или даже освящает средства*» (Макиавелли он почему-то при этом не упоминает). Этим ложным позициям он противопоставляет «*предметно-философский*» и «верный традициям православного духа» метод «*совестного опыта*». Вот как он поясняет последний: «благая цель *никогда, ни при каких обстоятельствах не оправдывает тех средств, которые неприемлемы для совести*, но это *не* значит, – продолжает Ильин, и в этом вся суть, – что нам, людям, в этой земной жизни удастся избежать этих средств»[4]. Дальше – больше: Ильин поясняет, что человеческое призвание на Земле «не исчерпывается нравственным совершенствованием лица»; что «*жизнь* шире и разностороннее добродетели»; что «*совершенство Божие* не есть токмо совершенство любви, свободы, справедливости и милосердия...»; что «Человек от человека оторван; человек человеку недоступен; человек на свете одинок...»; «духовная сила праведника имеет свой предел перед лицом сущего злодейства» и т.д. А вывод такой: все сказанное «в высшей степени затрудняет человеку ведение духовного труда на земле и *оборону* этого труда и *этих задач – одними средствами любви, свободы, доброты, справедливости, искренности* и *самоотречения – не разрешить*... Оказывается, что борьба за эти *совестные цели* земной жизни *иногда* и даже *нередко* требует от человека **не** тех средств, **не** тех поступков, которые указываются совестью...»[5].

Ильин утверждает далее, что уголовный кодекс и криминальный аппарат, государство в целом требуют законов, «которые часто бывают не совсем справедливы или совсем несправедливы». Непонятно, о каком государстве ведет речь Ильин – сторонник правосознания и законности, – если о правовом, то там должны быть только справедливые всецело легитимные законы, исходящие из морали, если нет – то такое государство неприемлемо. От иезуитства (позиции Макиавелли) он отличает себя тем, что признает неправедные средства неправедными, однако, так же, как и иезуит, готов их осуществлять. Называя свою позицию «православным воззрением» он, признавая «меч или коварство», требует после этого «душевно-духовного очищения». Главное здесь, «тщательно проверить, что эти *неблагие* средства действительно ведут к этой благой цели и что в данном случае эти неблагие средства действительно необходимы». И, наконец, откровенное признание: «мудрость нашего православия исходит из того, что *благая цель* делает *необходимыми* неблагие средства в борьбе за дело Божие на земле». Чем не иезуитство – но Ильин перемуд-

---

[1] Цит. по: Там же. С. 195.
[2] Чернов В. Мир, Меч и Мір // Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М., 2007. С. 347.
[3] О различии тезиса Макиавелли (*только благая политическая цель оправдывает любые средства*) и тезиса макиавеллизма (*цель оправдывает любые средства*), который есть опровержение Макиавелли см.: Нижников С.А. Мораль и политика в социокультурном контексте [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2013. Т. 2. Вып. 1. Режим доступа: http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Tom%202%20Vip%201/rubr1-sistema-koordinat-st1-nizhnikov-2013.pdf (см. также: «Можно сказать, что макиавеллизм есть опровержение Макиавелли…» – Мерло-Понти М. Знаки. М.: Искусство, 2001. С. 256–257).
[4] Ильин И.А. Учение о компромиссе и дурных средствах // Собр. соч.: Справедливость или равенство? М., 2006. С. 427–429.
[5] Там же. С. 432–433.

рил иезуитов вкупе с Макиавелли, добавляя к своему высказыванию: «но *не* оправдывает их и *не* освящает»[1].

Помимо этого изощренного макиавелльства, Ильин совершенно запутывает читателя в своей методологии и употребляемых терминах. Приведем красноречивое в этом отношении высказывание: «Человек должен нести бремя своего необходимого компромисса сам и не перелагать его ни на Бога, ни на свою совесть»[2]. Что же тогда это такое «человек сам»? Это не голос ни его морали, ни Бога? Чем же он должен руководствоваться? Только некой необходимостью вне морали? Но тогда будет полный аморализм. Зачем Ильину нужны все эти длительные ухищрения с «совестливыми компромиссами»? Не проще ли было бы назвать праведное праведным, а неправедное – неправедным? При этом каждый человек, и каждый народ сохраняют право на силовую самозащиту в случае насилия и агрессии. Ведь кроме Льва Толстого и пацифистов, этого никто не оспаривал. Зачем надо было писать по этому поводу трактаты, если достаточно здравого смысла?[3] Из указанного выше ясно: Ильин хочет сказать что-то иное, а именно – утвердить своими аргументами нечто неприглядное с точки зрения морали, а именно реабилитировать *насилие как таковое* – вне- или надморальное (и тем самым аморальное) насилие. Именно в этом его отличие от иезуитов и макиавеллизма, равно откровенно признававших насилие, условием и оправданием которого должна быть благая целью, – в отличие от них Ильин стремится оправдать насилие само по себе – *безусловное насилие*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Кошмар злого добра. О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою» // Ильин И.А.: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: РХГИ, 2004. С. 658–673.
2. Ильин И.А. Пути России. М.: Вагриус, 2007.
3. Ильин И.А. Поющее сердце // Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. С. 227–380.
4. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // О сопротивлении злу силою. PRO ET CONTRA. М.: Айрис-пресс, 2007. С. 29–214.
5. Ильин И.А. О сопротивлении злу силой (1931 г.) // О сопротивлении злу силою. PRO ET CONTRA. М.: Айрис-пресс, 2007. С. 416–434.
6. Ильин И.А. Учение о компромиссе и дурных средствах // Собр. соч.: Справедливость или равенство? М.: ПСТГУ, 2006. С. 415–443.
7. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 256–262.
8. Макиавелли Н. Государь и Рассуждение на первые три книги Тита Ливия. СПб.: Типография Тиблина и Ко (Неклюдова), 1869.
9. Макиавелли Н. Соч. Т. 1. М.–Л.: Academia, 1934.
10. Мерло-Понти М. Знаки. М.: Искусство, 2001.
11. Н.П.В[акар]. О сопротивлении злу (на докладе И.А. Ильина) // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М. : Русская книга, 1995. С. 295–296.
12. Нижников С.А. Мораль и политика в социокультурном контексте [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2013. Т. 2. Вып. 1. Режим доступа: http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Tom%202%20Vip%201/rubr1-sistema-koordinat-st1-nizhnikov-2013.pdf
13. Робинсон П. «О сопротивлении злу силою»: Иван Ильин и необходимость войны // О сопротивлении злу силою. PRO ET CONTRA. М., 2007. С. 497–519.
14. Чернов В. Мир, Меч и Мір // О сопротивлении злу силою. PRO ET CONTRA. М., 2007. С. 332–356.
15. Guseinov A.A. "What Kant Said, or Why Is It Impermissible to Lie for the Sake of Good?." *Russian Studies in Philosophy* 48.3 (2009): 26–47.
16. Morgan A.L. "Multidimensional Thinking about Force Ethics: A Matter of Method and Content." *Journal of Religious Ethics* 38.3 (2010): 545–578.
17. Negrov A.I. "An Overview of Liberation Theology in Orthodox Russia." *HTS: Theological Studies* 61.1 & 2 (2005): 291–326.
18. Raskin D.I. "Russian Nationalism and Issues of Cultural and Civilizational Identity." *Russian Politics and Law* 46.6 (2008): 28–40.
19. Robinson P. "On Resistance to Evil by Force: Ivan Il'in and the Necessity of War." *Journal of Military Ethics* 2.2 (2003): 145–159.
20. Timmermann J. "Kant on Conscience,"Indirect" Duty, and Moral Error." *International Philosophical Quarterly* 46.3 (2006): 293–308.
21. Velleman J.D. "The Voice of Conscience." *Proceedings of the Aristotelian Society*, *New Series* 99.1 (1999): 57–76.
22. Wood A.W. *Kantian Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:
Нижников, С. А. Учение о «совестливом компромиссе» Ивана Ильина и доктрина Никколо Макиавелли / С.А. Нижников // Пространство и Время. — 2014. — № 1(15). — С. 37—42. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271provr_st1-15.2014.21.

[1] Там же. С. 434, 439, 441, 443.
[2] Там же. С. 441.
[3] На это указывал уже Бердяев (см.: Бердяев Н.А. Кошмар злого добра. О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою» // Ильин И.А.: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: РХГИ, 2004. С. 658–673) и кадет Н.П. Вакар. Приведем высказывание последнего: [«теория» Ильина] «...по существу сводится к бесспорному в своей примитивности утверждению о том, что «бессмысленно отстаивать для злодея свободу беспрепятственного злодеяния» (Н.П.В. О сопротивлении злу (на докладе И.А. Ильина) // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М., 1995. С. 295–296).